

ЗИННУР: «НИЧЕГО ОБО МНЕ НЕ ПИШИ...»

А я пишу. Пишу о человеке, с которым познакомилась на съезде Союза художников Республики Татарстан. Потом мы вместе возвращались из Казани в Елабугу на серебряистой «Рено». На трассу опустился зимний вечер. Зиннур Миннахметович и виртуозный резчик по дереву, скромняга Сергей Рожин, сидели сзади. Слева от меня за рулём был соратник Зиннура, художник Илья Максимов.

Узнав, что я преподаю живопись, Зиннур начал рассказывать о своём опыте работы в школе, которую организовал в Елабуге в 1972 году. Он делился своей мечтой о счастливых учениках и скорбью о загубленных талантах. О необходимости поддержки талантливых детей, о способах мотивации учеников, о развитии творческой жилки у педагогов. С болью говорил о тех, кто продвигает бездарностей, о приверженности к стандартам, о процветании коррупции и упадке качества образования. О жизни, о том, легко ли быть художником. В темноте автодороги, я почти не видела лица Зиннура, но чувствовала его энергию и силу убеждённости.

Это было два года назад. А ныне, едва мне потребовалось найти людей, знавших Зиннура Миннахметова, как передо мной открылось целое поле его поклонников! Его ученики, коллеги, ценители творчества и просто знакомые рассыпаны по Елабуге так густо, что я пока не встретила ни одного человека, не слышавшего имя этого художника и педагога.

— Вы знаете Зиннура Миннахметова?

— А как же! Мы с ним ещё в таком-то году...

Первым такой ответ на вопрос дал Алексей Куклин, наш сосед. Мы договорились с ним встретиться.

Алексей меня сильно впечатлил. Внешне простой и мягкий человек, смотрящий с тревогой и скепсисом школьника, оказался хранителем и певцом богатейшей истории и культуры Елабуги. Алексей подарил мне роскошно изданный альбом о художнике с мировым именем «Карл Гун и Елабуга», соавтором и составителем которого является. С потрясающей чуткостью и вниманием к деталям он поведал мне и о жизни Зиннура, о поисках и находках художника-философа, о размышлениях его тоскующей души.

Удивил меня и мой добрый товарищ, почтенный московский писатель, Лев Михайлович Анисов, автор многих книг о художниках. К нему я иногда обращаюсь за писательской и жизненной мудростью, в его книгах черпаю вдохновение. Не надеясь на положительный ответ, я спросила его о Зиннуре.

— А как же! Мы с ним ещё в таком-то году...

Пожалуй, мне пора перестать удивляться. Зиннура знает Москва, знает Казань, знает Елабуга и вся округа! Зиннур Миннахметович какое-то время рисовал живо и реалистично. Лев Михайлович, давний знаток и ценитель реалистической школы живописи, не сразу воспринял яркую, плоскостную живопись знакомого елабужского художника. Она пришла на смену классическим полотнам в начале «лихих девяностых» не только в творчестве Миннахметова. Лев Михайлович рассказал, как после долгого перерыва они встретились, обнялись, и Зиннур подарил шесть своих новых работ. Анисов был разочарован и всё спрашивал: а это что означает, а это?

Несколько позже писатель оценил красоту картин Зиннура, разглядев за необычностью манеры глубину отношения к той или иной теме, к людям. Цветные рамы, украсившие подаренные работы, подчеркнули изящество и великолепие полотен, которые ныне можно встретить в музеях России и за рубежом. «Праздник для живописи, когда открывается имя талантливого человека. Елабуга должна гордиться и очень внимательно относиться к таким серьёзным современным художникам, как Зиннур Миннахметов», — несколько раз настойчиво повторил в беседе со мной Лев Михайлович.

Поначалу я не хотела ничего читать о Зиннуре в интернете. Официальные сведения несут мало вдохновения. Да и сам маэстро в телефонном разговоре просил не писать о нем вообще ничего: дескать, картины должны сами всё рассказать. Если бы позволял формат изложения, я бы так и сделала, написав «НИЧЕГО» большими буквами. Ничего о биографии, ничего о самобытном творчестве, о многочисленных выставках, о неповторимой красоте полотен. Ничего о таланте педагога и организатора. Ничего!

Просьба Зиннура привела меня в восторг. Он с детства, видите ли, не любит всякую официальщину! Но я понимала и просьбу главного редактора журнала «Аргмак Татарстан»:

— А как иначе представить читателям художника? Станьте экскурсоводам к его картинам, пожалуйста, — сказал мне Николай Петрович Алешков.

И как бы сознательно я не избегала публикаций о Зиннуре, несколько печатных источников все же достигло моих рук.

Зиля Салиховна Нигамаева, заведующая музеем современного этноискусства, писала о Зиннуре несколько раз в разное время, знакома с творчеством художника и с его жизнью. Вот, например, статья «Я б в художники пошёл», напечатанная в 2014 году в газете «Новая Кама». Публикация кратко и цельно описывает основные моменты биографии Зиннура, его деятельность в качестве директора художественной школы, его творческий, порой мучительный путь живописца. «Картины писались, несмотря ни на что и благодаря всему, будучи не «роскошью», и даже не насущностью, а — неизбежностью».

Следующая цитата взята из статьи «Одинокий художник» Людмилы Пахомовой, журналистки Елабужского музея-заповедника, по совместительству жены Алексея Куклина. «Зиннур Миннахметов искал новые формы отображения жизни, адекватные его внутреннему состоянию. Последнее стало для него в какой-то момент принципиально важным. Прислушаться к себе, уловить внутренний эмоциональный настрой и рождающиеся в душе образы, — именно с такой последовательности начинается теперь создание каждой новой его картины.» В своей статье Людмила проанализировала творчество Зиннура-художника с точки зрения искусствоведа и подчеркнула, что «Зиннуру Миннахметову удалось отыскать тот неповторимый стиль, по которому сразу же узнаётся почерк автора».

Литературную миниатюру художника Валерия Шимановского, ученика Зиннура, я бы с удовольствием вставила в свой рассказ полностью. Но это было бы не совсем

честно. Задуманное Шимановским ещё нигде не опубликовано. С согласия автора я привожу его мини-эюд: «Слово «Зиннур» вновь появилось в моём лексиконе, пролезло золотым паучком и в какой-то момент, отстранив мишуру повседневной возни, запульсировало в мозгу раскалённой нитью. Я опять увидел, опять ощутил присутствие учителя и понял, что он никуда и не уходил, а присутствовал изначально... Наверное, просто настало время некоторые вещи называть своими подлинными именами. Итак, «Ученик», «Учитель» — два подлинных слова. Они отныне отвоёваны у смерти, отобраны у тления, ибо осознаны, и по лунной дорожке им теперь идти вместе, взявшись за руки (один усталый, в валенках и телогрейке, вечно мёрзнувший и мучительно подыскивающий слова; другой — это я — молчун с высохшими слезами на бледных щеках, худой, в засаленном плаще). И картины, сотни картин слева и справа сопровождают наш неслышимый путь.»

Познание жизни и искренность — вот те магниты и якоря, которые тянут людей к Зиннуру. Это то, что помогает человеку поверить в свою мечту. Это те самые отношения, которые важнее званий и наград.

Читаю строки Валеры Шимановского о любимом учителе и товарище. А вижу отношения — восхищается, уважает, любит.

Слушаю Алексея Куклина о мастерских, годах лихих и оттепелях, а вижу отношения — уважает, снисходит к немощам, верит.

Смотрю на Зилю Нигамаеву, красивую, интеллигентную женщину, и чувствую её глубокое почтение к мастеру. Слышу её боль о несовершившемся: «Эх! Мастерскую бы Зиннуру!» Но художник никогда не гнался за почестями, поэтому писал шедевры на кухне.

Вот и я сижу на кухне за ноутбуком. Поднимаю глаза — за окном весна и расцвели тюльпаны. А на горизонте, на свету стоит Зиннур и грозит мне: «Ничего обо мне не пиши! Для педагога его собственная личность вторична. Ученик, его успехи и достижения — вот основной смысл и маяк учителя». Ну что ж, иду к своему маяку, своей мечте. А отряд повзрослевших учеников Зиннура смотрит с надеждой мне вслед — не подведи...

